
ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

Павел Кузнецов

РУССКИЙ ЭСТЕТ – ПЕРВАЯ ПОПЫТКА: ПИСАТЕЛИ И ПОМЕЩИКИ*

Pavel Kuznetsov

Russian esthete – the first attempt: writers and landlords

Как-то недавно, едучи в санях с Григоровичем и потом беседуя с Боткиным, мы открыли ту великую истину, что русские литераторы, во-первых, очень хорошие люди, а во-вторых, живут между собой в примерном, или скорее беспримерном согласии... Пусть это согласие и благородное настроение продолжают долго!

Александр Дружинин. Дневник. 5 января 1854

В десяти верстах от Березно, на самой границе Псковской и Ленинградской областей находится село Мариинское (ныне Марьинское), где в середине XIX в. в своей усадьбе подолгу проживал летом весьма известный литератор, переводчик, критик Александр Васильевич Дружинин (1824–1864), западник, эстет, англоман, талантливый переводчик Шекспира, Байрона и английских писателей второго ряда, автор некогда знаменитых повестей «Полинька Сакс» и «Рассказ Алексея Дмитрича» и многочисленных, часто блестящих критических

*Кузнецов П. Русский эстет – первая попытка: Писатели и помещики. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2018/2/russkij-estet-pervaya-popytka-pisateli-i-pomeshiki.html>

статей и фельетонов. В советские времена А.В. Дружинин был прочно забыт, ибо непреклонно противостоял семинаристам-нигилистам и вел полемику с Чернышевским, выступая против утилитарного понимания искусства.

Помимо прозы, критики и фельетонов Дружинин оставил после себя самую ценную часть своего наследия в виде дневников, представляющих жизнь как помещиков в Гдовском уезде, так и литераторов в Петербурге...

Начало и середина 1850-х годов, по Дружинину, выглядят почти идиллически. Кроме редких сетований на цензуру, в дневниках практически нет резких выпадов в адрес существующего строя или власти, хотя цензура корежила повести и статьи Дружинина безжалостно. Оригинальную, хотя и гротескно-ироническую характеристику Дружинину дал Корней Чуковский в статье «Дружинин и Лев Толстой»:

«В русской литературе Дружинин кажется каким-то иностранцем <...> – ясность духа у него была такая, какой вообще не знал ни один из российских писателей той катастрофической бурной эпохи (курсив П. К.)». Но, с другой стороны, «у него была иллюзия, будто в николаевской кнутовой России (Корней Чуковский писал это в 1928 г.) можно создать для себя идиллический Оксфорд, праздничный и светлый литературный уют, и он создал себе этот Оксфорд – и был его единственным жителем. В этом Оксфорде он писал об изящной британской словесности <...> – и ему мерещилось, что его с умилением читают просвещенные русские сквайры, респектабельные русские джентльмены и леди. <...> Он проповедовал им мудрое эпикурейство, благодушный и грациозный дендизм <...> он щеголял перед ними аристократическим пониманием изящного.

Нет сомнения, что в качестве критика он имел бы немалый успех, если бы те, для кого он писал, существовали в действительности. Если бы были в России просвещенные и респектабельные сквайры, высокообразованные лорды <...> они сделали бы Дружинина знаменитым писателем и чтили бы его, как Джеффри или Джонсона.

Но он был слеп и не видел, что вокруг него – пустота».

На самом деле, по мнению автора статьи, все обстояло иначе. Во-первых, «Полиньку Сакс» прочитали в самых удаленных уголках России (определенное подражание Жорж Санд очевидно, но так по-русски еще не писали), Дружинин стал знаменит. Во-вторых, его критические статьи о писателях – от Пушкина до Льва Толстого и Салты-

кова-Щедрина – пользовались неизменным успехом, как и его журнал «Библиотека для чтения», редактором которой он стал во второй половине 1850-х годов. И в-третьих, этот «иностранец» перед смертью (1864) стал первым основателем «Литературного фонда» в России в «помощь неимущим писателям». Лев Толстой, вернувшийся с Крымской войны, некоторое время был страстным другом Дружинина – он открыл ему «тайну», что в России есть «цензура», о чем молодой Толстой даже не ведал.

Что касается жития-бытия тогдашних молодых петербургских писателей, входивших в круг журнала «Современник» в конце 1840 – середине 1850-х годов, то оно по нынешним представлениям просто фантастично!

Жизнь Тургенева, Некрасова, Анненкова, Григоровича, Фета, Боткина, Писемского, Панаева, Гончарова и многих других (по преимуществу либералов-западников) и регулярно наезжавшего из Москвы Льва Толстого отличалась невероятной интенсивностью общения и почти полным отсутствием ссор и конфликтов.

Поражает то, как часто писатели общались – три-четыре-пять (!) раз в неделю: бесконечные обеды, рауты, клубы и увеселительные поездки поздними вечерами. Если в четверг обед у Краевского, то в субботу – у Дружинина, в воскресенье – у Панаева, а во вторник – у Тургенева.

Писали в основном по утрам, в первой половине дня, урывками, ибо главная работа откладывалась на лето, в имениях:

«27 ноября. Как ни стараюсь противостоять урагану обедов, собраний и вечеров с мотовством – ничего не выходит. Сегодня обед у Краевского и вечер у Плетнева, послезавтра обед у Некрасова, а завтра раут у Паши с избранными доннами».

Русские пиры

В усадьбе Абрамцево у Аксаковых, куда Гоголь приезжал как литературный гений России, все знали, что без обильного малороссийского обеда литературные чтения не обойдутся. Готовились неизменные вареники, галушки, выставлялись пироги, сало, жареные свиные колбаски, рулеты-завиванцы, кисели и узвары, напитки из сушеных фруктов с медом. Гоголь превращался из мизантропа в радушного хозяина:

«Гоголь непрестанно приподнимал крышки с кастрюль и внюхивался в струящиеся оттуда ароматы. Наблюдал за тем, как жарились перепела и каплуны, как закипали вареники с вишней, а в духовке шипел жирный слоеный пирог, давал множество авторитетнейших советов. Приглашенный шеф-повар популярного московского трактира ощущал себя начинающим поваренком. Обед прошел шумно. С. Аксаков адресовал Гоголю знаменитый тост: “Читая вас, я всегда ощущал, что в описании малороссийских лакомств вы даете волю своей фантазии. Но не может быть настолько вкусно! А сегодня, вкусив творений ваших кулинарных, говорю откровенно – вы еще смягчили краски!”». Обед перемежался чтением отрывков из новых произведений Гоголя или же им и заканчивался.

У петербургских же писателей, согласно Дружинину, обеды, конечно, не были столь пышными: на пирах главное – общение. Беседовали о литературе, журналах, искусстве, мировой политике и ситуации в России. Беседа на пиру играла определяющую роль, но и качество обеда было тоже важно. Дружинин постоянно говорит не только о качестве еды, но больше о винах, подаваемых к столу.

Собравшиеся считали, что жизнь есть наслаждение, ее цель – счастье, но нужно *comme il faut*, держать себя достойно и не переходить границы, род людской движется к просвещению, цивилизации и прогрессу. Эвдемонистическая этика и «освобождение личности» от всевозможных реальных и мнимых оков – все это было общим убеждением либеральных интеллектуалов-западников той эпохи.

Кем же остался Дружинин в истории русской литературы?

В послепушкинскую эпоху он стал главным и едва ли не единственным *эстетом* (наряду с П. Анненковым и С. Боткиным) в самом изначальном смысле этого слова. Он первым (Константин Леонтьев еще только начинал свое писательство) сформулировал крамольную для утилитарной российской ментальности идею, что искусство «не обличает», «не отражает», «не подражает действительности», «не только проповедует или учит», а создает свою собственную, исключительную и уникальную реальность, которой, напротив, как раз действительность и может подражать: *искусство творит красоту*. Можно еще раз сослаться на статью Корнея Чуковского «Дружинин и Лев Толстой»: «В том, верилось ему (Дружинину. – П. К.), и заключалась его литературная миссия, чтобы проповедовать счастье.

“Будьте жизнерадостны!” – требовал он от писателей и запрещал им высказывать какие бы то ни было горькие чувства. – Долой и “гнев и печаль”, и “смех сквозь слезы”, и “гражданскую скорбь”. <...>

У нас изображают Дружинина поклонником искусства для искусства. Это, конечно, так. Но нельзя забывать, что основа его “чистой эстетики” была именно в радостном приятии действительности. Его вера в самоцельность искусства вся вытекла из его гедонизма, т.е. из непоколебимой уверенности, что жизнь создана для наслаждений».

Дружинин – один из немногих русских писателей, проповедовавший светлое отношение к жизни, поэзию и красоту, был забыт. Его сочинения и увлекательный «Дневник» в полном объеме появились в печати только в 1986 и 1988 годах.

С. Г.